

ВСТРЕЧА В МИЛАНЕ

ДО НАЧАЛА урока оставалось еще два часа, и, чтобы немного отдохнуть после прогулки, Бюль Бюль зашел в маленький ресторанчик «Серенада». К столу, за которым удобно устроился посетитель, подошел старичок-официант:

— Смею предложить вам, синьор, спагетти. Наше фирменное блюдо.

Бюль Бюль улыбнулся. В любом ресторане Милана точно так же рекламируют эту популярную еду.

Милан! Бюль Бюль полюбил этот удивительный город. Он считал себя счастливым, что именно здесь совершенствуется вокальное мастерство, что такую возможность дал ему Советское правительство.

За короткое время молодой певец хорошо узнал Милан. Он любовался грандиозным белорамборным собором, своеобразной архитектурой церкви Сан-Винченцо ин Праго, побывал у стен замка Сфорца и в монастыре Санта-Мария делла Грацио, где в далекие времена Леонардо да Винчи написал свою «Тайную вечерю».

Работоспособность Бюль Бюля удивляла его новых друзей. Советский студент успешно изучал итальянский язык, запоем читал, посещал музеи, бывал на концертах выдающихся певцов.

После обеда Бюль Бюль

спешил в Миланскую галерею, где обычно собирались актеры, певцы, музыканты, любители сценического искусства. Здесь можно было узнать много новостей, встретить интересных людей.

Но самым священным временем были для Бюль Бюля уроки вокала. В упорных трудах прошел и 1928 год. Прежние учителя его уже не удовлетворяли, и он решил обратиться к известному маэстро Рафаэло Грани — очень дорогому педагогу, занимающемуся исключительно с артистами, приехавшими из Англии и Америки.

Бюль Бюль волновался. Как пройдет проба? Даст ли согласие заниматься с ним этот капризный педагог. Маэстро слушал студента внимательно, слегка склонив голову набок. Бюль Бюль спел несколько сложных арий.

— Неплохо, — сказал Грани. — Но спойте и азербайджанскую песню. Мне говорили, что вы неплохо это делаете.

Бюль Бюль зашел. Грани выпрямился в кресле. Он удивленно рассматривал певца, будто видел его впервые.

— То, что я сейчас услышал, — гениально! — медленно сказал маэстро. — Но это — другая школа, другая манера пения. Вы храбрый

человек, пошли на большой риск, решив петь по-новому. Но что сейчас говорить об этом? Я сделаю все, что в моих силах, синьор Бюль Бюль. Начнем занятия с пятницы.

...От раздумий Бюль Бюль отвлек тот же старичок-официант.

— Вот спагетти, синьор. Это замечательное блюдо. Оно прибавляет бодрости. К нему мы подаем вино. Я счастлив, что вы посетили наш ресторан.

...Грани встретил ученика, как всегда, приветливо. Занятия начали с традиционных вокальных упражнений. Потом Бюль Бюль решил показать маэстро арию Кавардосси из «Тоски» Пуччини, разученную им самостоятельно.

— Мой дорогой, — воскликнул педагог, — вы делаете большие успехи. Правда, нужно еще много работать, но вы своего добьетесь. Это говорю я, Рафаэло Грани!

Потом маэстро спросил: — Как вы думаете провести сегодняшний вечер?

— Как весь музыкальный Милан, — ответил взволнованно Бюль Бюль, — в «Ла Скала», слушать Шалаяпина.

— Чудесно! И еще: вас спрашивал синьор Споланчини. У него, кажется, заманчивое предложение.

— Знаю. Но ведь я отказался.

— О! Эти люди настойчивы. Будьте осторожны, мой юный друг!

Знаменитый театр «Ла Скала» мало чем внешне выделялся среди других зданий Милана, разве лишь по вечернему оживлению, царившему на площади у скромного портика, и по лотнищам афиш. Все эти дни Милан жил предстоящей встречей со своим любимцем — Федором Ивановичем

Шалаяпиным. Он должен был петь партию Бориса Годунова.

Бюль Бюль был здесь всегда. У него было даже «свое» место на седьмом ярусе галереи, где собирались студенты-вокалисты. Дешевле, потом можно было не надевать фрак, свободнее высказывать свое мнение. Но сегодня впервые за свое студенческое пребывание в Италии он взял билеты в партер

Медленно гаснут огни, а только ложи еще светятся алыми бликами бархата. Звучит музыка. Поднимается занавес... Зрительный зал громом аплодисментов встречает Шалаяпина. Артист поет партию Бориса на русском языке.

Бюль Бюль потрясен не только неповторимым голосом Шалаяпина, но и его непревзойденным актерским мастерством. Как тонко Шалаяпин раскрывал тему все возрастающих страданий царя, несущего на себе тяжесть содеянного им преступления! На глазах зрителей Борис дряхлел, его силы слабели. От картины к картине будто седали виски, лицо покрывали глубокие морщины.

Зал с огромным вниманием слушал русского артиста. И с последним шепотом умирающего Бориса: «Простите» — возникла овация, долгая, неистовая.

Бюль Бюль вместе с другими молодыми миланцами ждал артиста у служебного выхода. Шалаяпин, высокий, не по годам стройный, появился в дверях, стал надписывать автографы. Дошла очередь и до Бюль Бюля.

— Что вам пожелать? — спросил Федор Иванович по-итальянски.

— Я из России...

— Вы русский?

— Нет. Азербайджанец. Из Баку...

— Баку?! —

Шалаяпин улыбнулся.

— Я знаю ваш город...

Он замолчал на минуту. Быть может, вспомнил Федор Иванович далекую молодость, когда хористом в труппе французской оперетты гастролировал в «нефтяном городе». Или же год 1897, когда в том же Баку пел партию Незнаестного в опере Верстовского «Аскольдова могила». Да и сам артист в то время был мало кому известен.

— Живете в Милане? — спросил Шалаяпин.

— Нет, учусь. Хочу быть оперным певцом, — ответил Бюль Бюль.

— Желаю вам счастья на Родине, — с оттенком грусти в голосе сказал Федор Иванович и зашагал к стоявшему у театра автомобилю.

Бюль Бюль долго еще не уходил с театральной площади.

— Синьор Бюль Бюль! Какая удача! Я верю в приметы, — наши пути непременно сойдутся!

Бюль Бюль оглянулся. Его догнал улыбающийся толстяк Споланчини.

— Шалаяпина слушали? Титан! Вот я и говорю: артистом надо быть только великим. У нас есть Карузо, у вас — Собинов. Что делать другим тенорам? Внесите ненужную затею. У вас свой великолепный жанр — азербайджанские народные песни. Это произведет в странах Европы, да и в Америке — сенсацию. Вы станете миллионером. Вокалист из мусульманского мира — чудо! Разве можно улучшить такой шанс. Подпишите контракт!

— Я не могу принять ваше предложение. И почему вы так добиваетесь? Толстяк не дал Бюль Бюлю договорить.

— О, синьор, бог не наградил меня талантом. В молодости был я «кляки». Вы знаете, что это такое? Мы могли за деньги обставить артиста или создать ему шумный успех. Мы попросили с синьора Шалаяпина четыре тысячи франков за аплодисменты. Это был его первый приезд в Милан. Он послал нас к черту. Мы хотели обставить этого русского, нас было немало тогда в «Ла Скала». Но Шалаяпин покорил и «кляку» своим искусством. Мы не поспе-

радим. Вот так я и живу возле театра. Каждому — свое. Жизнь требует много денег. У меня верное чутье, синьор Бюль Бюль. Я представляю деловых людей. Решайте!

— Ничем не могу помочь вам. Прощайте!

Домой Бюль Бюль вернулся, когда ночь уже уступала место утру нового дня. Он подошел к письменному столу, опустился в кресло и придвинул к себе чистый лист бумаги. Подумал и стал писать: «...Слушал Шалаяпина. Потрясающе. Я многое понял. Теперь твердо знаю, каким должен быть оперный певец, настоящий артист. Я понял и то, что для каждого человека значит Родина.

Скоро вернусь домой. Ох, как я мечтаю о нашей национальной опере...».

Письмо должно было уйти в Баку — Узеиру Гаджибекову. И не мог знать тогда молодой артист, что мечта его осуществится. Что на сцене Азербайджанского оперного театра споет он партию Кеюглы. Это будет день его триумфа. И именно в этот день вспомнит он слова Федора Ивановича Шалаяпина, сказанные в Милане: «Желаю вам счастья на Родине».

Н. ЗОРИН.

ВЫШКА
Г. БАКУ

8 июля 1972